

«Имени Чехова» — назвал Константин Бальмонт небольшой очерк, опубликованный в парижской газете «Россия и славянство» в 1929 году. Поэт, один из основоположников символизма, К. Бальмонт обладал высоким гражданским чувством и социальной зоркостью. Приветствуя декларируемые Октябрьем высокие идеи, он не смог согласиться с насилием и беззаконием, последовавшими после утверждения новой власти. В 1920 году К. Бальмонт покидает Россию. Вся последующая жизнь его (умер поэт в 1942 году в оккупированной Франции) — это годы одиночества, несбывшихся надежд и дум о Родине...

Л. Н. Толстого и А. М. Горького. Нашему читателю может показаться ортодоксальной оценка поэтом личности и творчества пролетарского писателя, высказанная более полувека тому назад. Однако, настало время сказать и об этом. «Если я верно помню, это было ранней осенью 1901-го года, что я довольно часто бы-

ОН ВСЕГДА КАЗАЛСЯ ОДИНОКИМ...



«...МНЕ хочется сказать о Чехове несколько слов совершенно личного порядка. Я встречался с ним неоднократно в Москве и в Ялте и видел его в разной обстановке, — в «Большом Московском» ресторане, — в семейном кругу, — в его собственной московской квартире, где среди гостей он казался мне одиноким, — в его одинокой жизни в Крыму, где завтракая с приятелем, он казался довольным и не нуждающимся ни в чьем обществе, — я видел его беседующим среди его празднующих людей, все в той же Ялте, и все таким же одиноким, каким он мне всегда казался, когда бывал в многолюдной комнате. И я полюбил Чехова за эту черту...».

Однако отношение к творчеству писателя у Бальмонта было неоднозначным. «...Моя внутренняя жизнь совсем отбросила меня от желания читать его. Во мне самом было столько тоски и угнетенности, что каждая страница Чехова была не противоядием, а увеличением душевной отравленности. Полоса отчаяния привела к исканию смерти. Смерть показала свой лик и ушла. А из предельного отчаяния возник такой расцвет воли к жизни, к творчеству, к счастью, такая воля к воле, что чеховское творчество навсегда стало мне чужим». А далее поэт пишет, что «...тонкая верность его художественной кисти всегда чувствовалась и очаровывала... Когда я говорю себе сейчас «Чехов» и духовным оком погружаюсь в прошлое, мне вспоминаются неотступно два лица, оба кроткие и полные легкой грустной шутки, и дышащие тонкой художественностью, являющие, во всем, художественное восприятие мира и жизни, а не подход к ним чисто умственный. Эти два

лица — лицо Чехова и лицо Левитана. Сколько в них было пленительно-истомной, томящейся русской грусти! Сколько нежелания ничего резкого, ни движения, ни слова резкого, ни даже слишком громкого голоса, ни умствующего рассуждения! Легкая, хваткая, меткая, быстрая оценка — одним словом, одной усмешкой, одним жестом — определение сразу, на лету и явления, и события и живого существа. Это есть художественное восприятие жизни и мира.



Чехов становился грустным и уклончивым, и даже кротко-неприсяженным, когда при нем начинали умствовать. Он торопился ускользнуть от разглагольствующего интеллигентского гостя к другому гостю, с которым сейчас же начинался легкий и чисто личный разговор, полный маленьких подробностей жизни и полный блеском веселой, легкой насмешки».

Рядом с А. П. Чеховым в очерке появляются фигуры

вал у Антона Павловича в гостях в Ялте, и тогда же познакомился с Максимом Горьким, еще походившим в эту пору на человека и на писателя, и тогда же мы были троим у Льва Толстого, а через несколько дней я был у Толстого один. Меня поразило тогда коренное различие между двумя этими литературными знаменитостями: Чехов и Горький. Один — воплощение душевного изящества, уравновешенной скромности, при полном сознании своих высоких творческих качеств, и вежливость чувства, и деликатность во всем. Другой — любопытство возбуждающий, частью даже и трогательный, но больше грубый, душевно угловатый и без надобности резкий человек — орангутанг, нет-нет да вдруг и пробуждающийся от животности, от зверности, когда при нем кто-нибудь скажет что-либо умное или занимательное. И скромный Чехов, которого Лев Николаевич и ценил и любил лично, был с Толстым паразитично ровен, и говорил с этим великаном, умевшим быть и добрым пасечником, как равный с равным, или как младший член одной и той же семьи, где в каждом члене семьи течет хорошая, честная кровь. Горький держался с Толстым то подобоостранно, как неуместный пришелец, то развязно, как возомнивший о себе служка...

В те же дни Чехов однажды спросил меня: «Вы очень цените Горького?» Я ответил: «Не чрезмерно. Но он будит, и в нем есть грубая сила». Чехов сказал, смотря перед собой как бы вдаль: «Его слава продлится несколько лет. Потом эта мишура кончится».

...Тонкое художество Чехова, его творчество, полное душевной боли и великой разборчивости и осторожности в выборе средств, духовное угадание Чехова на протяжении десятилетий стало лишь виднее и

очаровательнее, и большую, все большую силу благого колдования приобретает... Чехов — тонкий, чистый, благородный художник. Он — верный того святыхлика, которое называется Искусством».

НА СНИМКАХ: А. П. ЧЕХОВ; Л. Н. ТОЛСТОЙ и А. М. ГОРЬКИЙ в Ясной Поляне [1901 г.]. Фото из архива автора.

Материал подготовил к публикации Геннадий ШАРЫЙ.